№ 625 Нел
9
5 экз.

ЮБИЛЕЙ ПОЗОРА НАШЕГО (1613-1913)

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА 100
Ю 125

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

Ц А100
Ю 125

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

БИБЛІОТЕКА „ПРАВДЫ“. № 4.

БИБЛИОТЕКА ЦКВКП(б) ИСТПАРТА

ЮБИЛЕЙ ПОЗОРА НАШЕГО

(1613—1913).

Домовъ. Покровский, М.Н.

Триста лѣтъ Романовыхъ и лже-Романовыхъ.

Н. Троцкій.

Благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій!..

АРХИВ ИСТПАРТ Ф. № Л.

Цѣна 10 коп.
(Заграницей 50 гел., 50 пфен., 50 сант., 10 цент.).

Изданіе редакціи „Правды“.
1912.

5-й экз.

К.

ФАХ

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

45088
1065375

ЦА100
Ю125

1100
128.

у 2010 г.

БИБЛІОТЕКА
ЦКВ (П. 6)
ИСПАРТА

Соціалдемократическая партія, одна изъ всѣхъ партій, имѣющихъ своихъ представителей въ Государственной Думѣ, стоитъ за демократическую республику, — то есть, за то, чтобы всѣ власти въ государствѣ, не исключая и самой высшей власти, были выборныя отъ всего народа, путемъ всеобщаго голосованія, — чтобы вмѣсто царскаго самодержавія было самодержавіе народа. Всѣ другія партіи — монархическія, всѣ онѣ, отъ черносотенцевъ до кадетовъ, находятъ нужнымъ и правильнымъ, чтобы во главѣ россійскаго государства стоялъ монархъ, царь, власть котораго передавалась бы по наслѣдству. Черносотенцы желаютъ, чтобы вся власть, безраздѣльно, была въ рукахъ этого наслѣдственнаго царя, октябристы не прочь, чтобы царь время отъ времени выслушивалъ мнѣнія богатыхъ купцовъ и фабрикантовъ, кадеты желали бы, чтобы царь вообще дѣлился своей властью съ буржуазіей — но всѣ они находятъ необходимымъ, чтобы царь былъ, и очень осуждаютъ соціалдемократовъ за ихъ республиканскую программу. Какая, говорятъ, возможна республика въ Россіи? Это, говорятъ, противно русскому „народному духу“, и вообще нелѣпо. Все будетъ достаточно хорошо, если въ Россіи будетъ конституціонная парламентская монархія, говорятъ кадеты: то есть, если народные представители будутъ принимать постоянное участіе въ управленіи и министры будутъ отъ нихъ зависѣть. А во главѣ Россіи пусть по прежнему стоитъ царь — такъ русскіе люди привыкли, и другого способа управленія эти русскіе люди и не поймутъ, говорятъ кадеты.

Посмотримъ, прежде всего, что нелѣпѣе, и что легче понять,

монархію или республику?

Въ монархіи власть передается по наслѣдству, отъ отца къ сыну. Такъ дѣлается вездѣ, не только въ Россіи, — во всѣхъ монархическихъ государствахъ, въ Англіи, Германіи, Италіи то же самое. Что же, это самый лучшій способъ передачи власти, что ли? Отчего же всякія другія власти по наслѣдству не пе-

редаются? Отчего бы такъ не устроить: отецъ былъ губернаторомъ, пусть и сынъ будетъ губернаторомъ; отецъ былъ полковникомъ, пусть и сынъ будетъ полковникъ; отецъ земскій начальникъ — и сынъ, послѣ его смерти, тоже. Умретъ старикъ-полковникъ — нянька вынесетъ его двухлѣтняго сынишку, и пусть онъ командуетъ. Какая нелѣпость, скажетъ всякій кадетъ, который только что защищалъ монархію для Россіи. Да развѣ Россіей управлять легче, чѣмъ полкомъ командовать? А вѣдь умри завтра Николай II, царствовать начнетъ Алексѣй, которому всего семь лѣтъ. Скажутъ: онъ не самъ управлять будетъ, будетъ регентство. Да зачѣмъ же имѣть такого властителя, который самъ управлять не можетъ? Вѣдь одно изъ двухъ — либо царь ничего не дѣлаетъ, тогда къ чему же онъ вообще нуженъ? Либо онъ что-то дѣлаетъ, тогда зачѣмъ же сажать на царское мѣсто человѣка, который царскаго дѣла дѣлать не можетъ? Вѣдь это все равно, что нѣмого въ дьячки поставить, или слѣпого на козлы посадить — лошадью править.

Но это еще полбѣды, что царь, при наслѣдственной монархіи, можетъ быть малолѣтнимъ — маленькій выростетъ. Но хорошо — выростетъ умный; а какъ выростетъ дуракомъ? Какъ разъ наша русская исторія богата такими царями. Былъ у насъ Петръ III — пьяница горькій, и такой глупый, что ни о чемъ съ нимъ говорить нельзя было. Иностранныхъ пословъ было совѣстно — придетъ англійскій, положимъ, посолъ во дворецъ на аудіенцію, а царь пьянъ, какъ стелька, и плететъ нпвѣсть что. Будь онъ простой человѣкъ, никто въ конюха его не взялъ бы, а тутъ онъ большой страной „управлялъ“ нѣсколько мѣсяцевъ. Но и это еще не самое плохое: былъ въ Россіи царь сумасшедшій, Павелъ I. Что онъ вытворялъ, и описать невозможно. Предписывалъ всѣмъ, въ какую одежду одѣваться, какія шляпы носить, какіе танцы можно танцевать, какіе нельзя — даже какіе слова можно говорить, какія нѣтъ. Ссылалъ людей въ Сибирь сотнями, никто не могъ понять, за что, солдатъ цѣлыми полками ссылалъ — послѣ его смерти нѣсколько лѣтъ разыскивали ссыльныхъ по Сибири, такъ всѣхъ и не разыскали. Подъ конецъ жизни чуть не разворилъ совсѣмъ Россію, прекративъ всякую заграничную торговлю. Будь этотъ сумасшедшій простымъ человѣкомъ, посадили бы его въ желтый домъ и вся недолга. Но такъ какъ онъ былъ царь, всякаго самъ могъ посадить, то не оставалось ничего другого дѣлать, какъ убить его. И въ этомъ убійствѣ участвовала вся царская семья — и императрица, и великіе князья, въ томъ числѣ и будущій русскій императоръ, Александръ Павловичъ. На русскомъ престолѣ, благодаря наслѣдственности этого престола, оказался, такимъ образомъ, уголовный преступникъ — отцеубійца, котораго, будь онъ простой

человѣкъ, на каторгу бы сослали, а предварительно — въ тѣ времена еще существовало тѣлесное наказаніе — кнутомъ бы выдрали. А тутъ онъ царствовалъ! И что всего хуже, можетъ быть, — Александръ Павловичъ, самъ по себѣ, былъ недурной человѣкъ, лучше многихъ Романовыхъ, и отцеубійцей сдѣлался поневолѣ, такъ какъ иначе не могъ избавиться отъ сумасшедшаго отца — потому что этотъ сумасшедшій былъ царемъ. „Наслѣдственная монархія“ привела, такимъ образомъ, къ цѣлому ряду злодѣяній: убитъ былъ несчастный больной, котораго, можетъ быть, еще и вылѣчить можно было бы; совершено было отцеубійство — и отцеубійцей сталъ порядочный человѣкъ, который вовсе этой участи не заслуживалъ. Можно ли себѣ представить болѣе нелѣпый порядокъ вещей, при которомъ приходится убивать больныхъ и честные люди поневолѣ становятся преступниками?

Говорятъ — противъ всего этого можно принять мѣры, можно ограничить царскую власть. Глупые монархисты, которые такъ разсуждаютъ, сами себя выдаютъ съ головой. Развѣ хорошія вещи ограничиваются? Коли для царской власти, какъ для дикаго звѣря, нужно создавать загородки да запоры, чтобы не вырвалась и бѣды не надѣлала, видно въ ней хорошаго мало. А между тѣмъ, вездѣ царскую власть ограничили. Недавно еще было цѣлыхъ четыре неограниченныхъ монархіи: Россія, Турція, Персія да Китай. Но теперь въ трехъ первыхъ конституція, хотя и плохая, какъ въ Россіи — но все же и у насъ царь не можетъ многаго дѣлать, не выслушавъ, по крайней мѣрѣ, Государственной Думы: а давно ли Николай II называлъ эту самую Думу „безсмысленнымъ мечтаніемъ“? Въ Китаѣ же и вовсе республика. И одинъ только остался неограниченный монархъ на бѣломъ свѣтѣ, полудикій негусъ абиссинскій. Такъ почему же вездѣ ограничили такую полезную штуку, какъ царская власть? Пользы, что ли, своей люди не понимаютъ? Нѣтъ, вездѣ поняли, что наслѣдственная власть — нелѣпость: только, по разнымъ причинамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, не рѣшаются эту нелѣпость совсѣмъ уничтожить, а надѣются, что можно будетъ такъ — пообуздать немного. Обойдется, молъ, какъ-нибудь! Но нѣтъ, не обойдется. Не говоря уже о нашей несчастной Россіи, которую продолжаютъ терзать Николай и его приспѣшники, — посмотримъ, сколько бѣдъ терпитъ наша сосѣдка, Персія, изъ-за своего бывшаго шаха, который нѣтъ-нѣтъ, да и вернется еще пограбить — и изъ-за тупого и трусливаго правительства, управляющаго отъ имени нынѣшняго малолѣтняго шаха? А покончили бы персы со всякими шахами, какъ китайцы со своимъ богдыханомъ — руки бы у нихъ были развязаны.

Откуда взялась наслѣдственная царская власть, мы скоро

увидимъ — и увидимъ, какъ велико лицемѣріе „либераловъ“, вродѣ нашихъ кадетовъ, которые толкуютъ о прелестяхъ „ограниченной, конституціонной монархіи“. Пока разберемъ другое возраженіе противъ республики. Какъ, говорятъ, ни нелѣпа царская власть — говорятъ тѣ, кто согласенъ признать, что наслѣдственная монархія нелѣпа, — но русскій народъ къ ней привыкъ, безъ нея онъ Россіи представить себѣ не можетъ. Такъ, говорятъ, воспитала русскій народъ православная церковь: „однѣ церковныя ектеньи не дадутъ Россіи сдѣлаться республикой“, было сказано когда-то. Обидно было-бы принадлежать къ народу, который привыкъ уважать и почитать нелѣпости, — но русскій народъ, слава богу, этой обиды не заслужилъ. Русскіе славяне — кто этому теперь повѣрилъ бы? — искони были народомъ республиканскимъ, самоуправляющимся. Въ древней Руси, кіевской и новгородской, князья выбирались в ѣ ч е м ъ, народнымъ собраніемъ. Въ Новгородѣ Великомъ вѣче совсѣмъ было свободно — брало изъ князей, кого хотѣло: въ Кіевѣ больше считались съ княжескимъ родствомъ, но все же и тамъ сынъ послѣ отца не могъ стать княземъ безъ согласія вѣча. А если князь управлялъ плохо, вѣче его прогоняло безъ всякой церемоніи. При этомъ нужно сказать, что управленіе въ тѣ далекія времена было куда проще, нежели теперь. Все княжеское управленіе сводилось къ тому, что князь судебныя дѣла разбиралъ, — но не по своему произволу, а согласно съ народными обычаями, — да войскомъ на войнѣ командовалъ; а въ Новгородѣ и судебныхъ дѣлъ ему не давали — разбиралъ ихъ народный, выборный судъ, и тамъ князь былъ только военачальникомъ. Такъ что государя, въ теперешнемъ смыслѣ слова, древняя, до-татарская Русь совсѣмъ не знала: настоящимъ государемъ было вѣче, — то есть самъ народъ. Онъ непосредственно въ своихъ рукахъ держалъ верховную власть. Кто же сдѣлалъ древне-русскихъ князей государями? А татары. Когда татары завоевали Русь, они нашли, что съ вѣчемъ очень неудобно возиться: не даетъ народное собреніе помыкать собою, постоянно сопротивляется, поди, „усмиряй“ его! Съ княземъ обходиться куда проще: онъ за ханскую ласку, да за подачку всякую подлость готовъ сдѣлать. И вотъ, татары стали вездѣ и всегда поддерживать князя противъ вѣча — до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ князей, московскій, забравъ всю власть въ свои руки, оказался сильнѣе самихъ татаръ, и сталъ царемъ и самодержцемъ всея Россіи. Къ этому времени отъ вѣча и слѣда не осталось — народу и собираться не позволяли, и „вѣчники“ стало значить „бунтовщики“. А отъ татаръ большой слѣдъ остался: московскій царь продолжалъ собирать татарскую дань, только прежде онъ ее отсылалъ хану, а теперь клалъ въ свой карманъ. Какъ и татары, онъ дралъ народъ плетьми

и кнутомъ (нагайка—тоже татарское изобрѣтеніе), завелъ пытки, которыхъ прежде на Руси не было. Въ довершеніе всего, онъ и свой титулъ взялъ на прокатъ у татаръ же: царемъ русскіе сначала называли татарскаго хана, послѣ того, какъ татары завоевали Русь, — своихъ князей русскіе прежде никогда такъ не называли. А какъ сталъ на мѣсто хана русскій князь, стали и его звать „царемъ“.

Православная церковь во всемъ этомъ дѣлѣ ревностно помогала и служила татарамъ. Митрополиты русскіе аккуратно ѣздили на поклоненіе ханамъ, въ орду, и выпрашивали у нихъ „ярлыки“ — жалованныя грамоты, избавлявшіе церковныхъ людей и церковныя имѣнія отъ всякихъ податей и повинностей. Но церковь дѣлала все это вовсе не потому, что православному христіанству зачѣмъ-нибудь было такъ нужно, — а просто потому, что митрополиты и другіе церковные властители сами были люди грѣшные, хотѣлось имъ церковные доходы сохранить и пріумножить. Сама же древне-русская, — а тѣмъ болѣе древне-христіанская — церковь была устроена скорѣе республикански, чѣмъ монархически: и у насъ въ древней Руси священниковъ выбирали прихожане, — и наши раскольники, лучше сохранившіе древне-русскіе обычаи, до сихъ поръ выбираютъ не только священниковъ, но и архіереевъ. Въ древнемъ Новгородѣ церковь была такъ же демократически устроена, какъ и свѣтская власть — владыка тамъ зависѣлъ отъ народа, который, случалось, и низвергалъ своихъ архіепископовъ, какъ выгонялъ онъ князей. Никакой внутренней связи между православіемъ и наслѣдственной монархіей, такимъ образомъ, никогда не было — и если православная церковь стала поддерживать московскаго самодержца, то это потому, что церковь всегда льнетъ къ богатымъ и сильнымъ, никогда не защищаетъ бѣднаго и простого люда иначе, какъ на словахъ. Сталъ московскій князь силенъ — митрополиты стали его слушаться и толковать народу, что ослушаніе князя — великій грѣхъ.

Но почему же, спросите вы, избавившись отъ татаръ, русскіе люди не отдѣлались какъ нибудь отъ ихъ ученика и наслѣдника, московскаго царя? А потому, во-первыхъ, что старые вольные порядки давно позабылись, а къ татарскимъ порядкамъ всѣ привыкли: къ какой только гнусности человѣкъ не привыкаетъ? А затѣмъ, и это самое главное, нашлись люди, много людей, цѣлый общественный классъ, которому царское самовластіе было выгодно. Настолько выгодно, что когда это самовластіе едва не прекратилось естественнымъ путемъ, — царскій домъ вымеръ и не оказалось царя на Руси, — его поспѣшили возстановить искусственно, въ прежнемъ видѣ.

Тутъ то и подходимъ мы къ объясненію того, почему такъ

долго держалось на Руси самодержавіе, и до сихъ поръ такъ много сторонниковъ находитъ монархія.

Татары до корня истребили у насъ политическую свободу — ни крупицы власти надъ государствомъ они народу не оставили. Но въ отношенія между русскими людьми въ ихъ частныхъ дѣлахъ, татары не вмѣшивались: благодаря этому на Руси и при московскомъ царѣ сохранилось много остатковъ гражданской свободы — уцѣлѣли еще мѣстами свободные крестьяне, рядомъ съ крупными помѣщиками, боярами да дворянами, оставалось еще довольно много мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ. Само собою разумѣется, что землю ихъ бояре да дворяне очень хотѣли прибрать къ рукамъ, а свободныхъ крестьянъ сдѣлать своими подданными — заставить ихъ платить себѣ оброкъ и ходить на барщину. Во всемъ этомъ царская власть была помѣщикамъ очень полезна. Какъ захватить землю, населенную свободными крестьянами? Придешь къ нимъ, пожалуй, выгонятъ и еще шею накостыляютъ. А придешь съ царской грамотой, которая жалуетъ тебя, за вѣрную службу, этой землей — никто слова не посмѣетъ сказать противъ, а посмѣетъ, такъ съ кнутомъ познакомится. Такъ сотни тысячъ свободныхъ крестьянъ обратились въ барскихъ царскою милостью — и долго это продолжалось, не только въ московской Руси, продолжалось вплоть до того самаго сумасшедшаго императора Павла, о которомъ мы говорили: тотъ въ нѣсколько дней роздалъ 80.000 крестьянъ своимъ приближеннымъ. Какъ тутъ не стать сторонникомъ монархической власти? Далѣе, отношенія между помѣщиками и крестьянами опредѣлялись въ московской Руси разными старинными обычаями, которые не всегда были одинаково выгодны помѣщикамъ. Такъ, крестьяне, сидѣвшіе даже и на чужой землѣ, разъ въ годъ, въ Юрьевъ день, становились свободными — могли уйти. Царскіе указы отмѣнили постепенно этотъ вредный для помѣщиковъ обычай — крестьяне стали крѣпостными. Ушедшій отъ помѣщика крестьянинъ сталъ считаться бѣглымъ, и царскіе воеводы и дьяки его должны были розыскивать, чтобы вернуть его барину. Въ старину крестьяне судей и сборщиковъ податей выбирали, — и выборный отъ крестьянъ судья могъ, чего добраго, и воспротивиться злоупотребленіямъ помѣщика: помѣщики и добились того, что судьями стали только они. Сборъ податей съ населенія также перешелъ въ ихъ руки — нужно ли говорить, какъ легко имъ было теперь прижать всякаго крестьянина? Понятно, какъ дорожили крупные землевладѣльцы, бояре и дворяне, царской властью. Предпослѣдній царь старой московской династіи, Иванъ Грозный, былъ полоумный развратникъ, страдавшій бре-

домъ преслѣдованія: ему вездѣ мерещились враги и покушенія на его жизнь, и онъ, въ припадкѣ болѣзненной подозрительности, не только предавалъ казни своихъ приближенныхъ, иногда цѣлыми семьями, но однажды почти поголовно истребилъ населеніе большого города — Новгорода: старая вѣчевая община казалась ему особенно опасна для его самовластія. И хотя отъ этого самовластія помѣщики страдали наравнѣ со всѣми, они всю жизнь „вѣрно служили“ полоумному царю: царская власть была такъ нужна всему помѣщичьему классу, что этотъ классъ терпѣлъ даже, когда отдѣльнымъ его представителямъ царь рубилъ головы.

Но безуміе Ивана дорого обошлось самому московскому царскому дому: старшаго сына своего онъ убилъ самъ, своими руками, — а младшій, Ѳедоръ, вышелъ слабоумнымъ юродивымъ, неспособнымъ не только управлять, но даже имѣть дѣтей. Когда и онъ померъ, пришлось московскимъ дворянамъ волей-неволей, обратиться въ республиканцевъ — выбирать себѣ властителей. Выбирали, конечно, такихъ, которые стояли бы на сторонѣ помѣщиковъ, а не на сторонѣ народа, — но не всегда это удавалось. Первый же выборный царь, Годуновъ, оказался плохимъ слугою дворянству — противъ него началось возстаніе, онъ отравился, а его сына убили. На его мѣсто сѣлъ человѣкъ, называвшій себя сыномъ Ивана Грознаго, Дмитріемъ — онъ дружилъ съ мелкими помѣщиками, крупные землевладѣльцы его возненавидѣли, составили противъ него заговоръ, убили его. Посаженный на его мѣсто богатый бояринъ, Василій Ивановичъ Шуйскій, тоже оказался плохъ съ дворянской точки зрѣнія — сталъ дружить съ купцами. Шуйскаго низложили, выбрали польскаго королевича Владислава, католика, — какъ ни возставала противъ него православная церковь: не очень-то на нее посмотрѣли благочестивые россійскіе дворяне, когда имъ понадобился царь! Только, когда Владиславъ оказался еще плоше для помѣщиковъ, чѣмъ предшествовавшіе цари, и противъ него поднялось возстаніе. За пятнадцать лѣтъ перемѣнилось шесть царей — и изъ нихъ только одинъ умеръ на царскомъ престолѣ и своей смертью: двое были низложены, двухъ убили, а одинъ самъ отравился, потому что боялся быть низложеннымъ или убитымъ. Таковы то были тогда „монархическія чувства“ русскаго народа — или, вѣрнѣе, русскаго дворянства, которое сидѣло на народномъ хребтѣ и погоняло народъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончились бы поиски „настоящаго“ царя, если бы не произошло случая, для помѣщиковъ неожиданнаго и непріятнаго. Только что закрѣпощенное крестьянство, увидавъ, что наверху все шатается и рушится, рѣшило этимъ удобнымъ случаемъ воспользоваться, чтобы сбросить свои цѣпи. Началось крестьянское возстаніе. Крестьянскія ополченія

появились передъ самой Москвой. Тогда дворяне поняли, что они въ своей игрѣ царскими головами нѣсколько заигрались — и поспѣшили игру прекратить: выбрали себѣ царемъ Михаила Ѳедоровича Романова, „предка“ нынѣшняго Николая (мы сейчасъ увидимъ, какой онъ былъ „предокъ“). Выбрали его, какъ откровенно сами объяснили, потому что онъ былъ „молодъ и глупъ“, — все равно, что кукла, пользы отъ него никакой не было, но зато и вреда быть не могло. Было это въ 1613 году. Въ февралѣ 1913-го года „потомки“ этого Михаила Романова, и съ ними вся Россія, будутъ праздновать высоко-радостное событіе: что триста лѣтъ тому назадъ у Николая Кроваваго былъ предокъ — глупѣе даже его самого, за глупость и посаженный на царскій престолъ. Точно, есть чему радоваться!

Выбравъ на царскій престолъ Михаила Романова, помѣщики сейчасъ же занялись „возстановленіемъ порядка“. Забунтовавшихъ было крестьянъ такъ скрутили, какъ никогда раньше. Чуть не сто лѣтъ послѣ вереницей тянутся царскіе указы о „бѣглыхъ“, — то есть о крестьянахъ, осмѣлившихся „самовольно“ уйти отъ своего барина: куда бы такой „бѣглый“ ни ушелъ и сколько бы лѣтъ ни прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ „убѣжалъ“, всегда и всюду помѣщикъ могъ потребовать его обратно. А тѣ, кому не посчастливилось „убѣжать“, стали просто движимымъ имуществомъ помѣщика, какъ его скотъ: крестьянъ стали продавать, отдавать въ приданое, завѣщать поштучно, какъ лошадей или собакъ. Но ихъ положеніе, пожалуй, было еще хуже, чѣмъ лошадей и собакъ: если, напримѣръ, помѣщикъ былъ кому нибудь долженъ и не платилъ своего долга, его крестьянъ ставили „на правежъ“, то есть били палками до тѣхъ поръ, пока баринъ не отдастъ долга. А помѣщичьихъ лошадей за долги ихъ хозяевъ не били. Что самъ баринъ могъ бить своего мужика, сколько влѣзетъ, это само собою разумѣется: а если бы мужикъ вздумалъ пожаловаться доброму царю, его опять за это нещадно били кнутомъ — не жалуйся. Указы, запрещающіе жаловаться на барина, тоже идутъ цѣлой вереницей, какъ и указы о бѣглыхъ.

Словомъ, при первыхъ царяхъ дома Романовыхъ въ Россіи устанавливается окончательно самое жестокое, самое безпощадное крѣпостное право. Когда русскій народъ будетъ „праздновать“ трехсотлѣтній юбилей Романовыхъ, не мѣшаетъ ему про это вспомнить!

А вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ росла и царская власть.

Напуганные предшествовавшими „неудачными“ царями, дворяне, когда выбирали Михаила Романова, ограничили его власть, на всякій случай, — Михаилъ ничего не могъ дѣлать безъ согласія земскаго собора, — собранія, гдѣ, кромѣ дворянъ

и купцовъ побогаче, никого не было: такъ что даже третья Государственная Дума, сравнительно съ Земскимъ Соборомъ, больше заслуживаетъ названія народнаго представительства. Но когда дворяне увидали, что новые цари, Романовы, дѣлаютъ то, что дворянамъ нужно, они успокоились — и при сынѣ Михаила, Алексѣѣ, Земскій Соборъ собирался уже гораздо рѣже, а при при сынѣ Алексѣя, Петрѣ, о Соборѣ уже никто не вспоминалъ. Этотъ Петръ, прозванный дворянами „Великимъ“ (росту онъ былъ дѣйствительно три аршина), былъ мучитель и развратникъ, не хуже Ивана Грознаго. Онъ очень любилъ исполнять обязанности палача, и собственноручно рубилъ головы тѣмъ, кого хотѣлъ казнить. Крестьяне при немъ именно были окончательно закрѣпощены: раньше еще было кое-какое различіе между крестьяниномъ и холопомъ, рабомъ, хотя больше на словахъ, — а при Петрѣ, во время первой р е в и з і и (подушной переписи), крестьянъ записали вмѣстѣ съ холопами — и съ тѣхъ поръ даже и на словахъ всякое различіе исчезло. Петръ умеръ отъ дурной болѣзни — и послѣ его смерти на русскомъ царскомъ престолѣ стало твориться такое безобразіе, что даже и вообразить трудно. У Петра не только что не осталось законныхъ наслѣдниковъ, но, при его безпутствѣ, нельзя было даже сказать, есть ли у него вообще законныя дѣти. Первую свою жену онъ заточилъ въ монастырь, а сына отъ нея запыталъ въ застѣнкѣ до смерти. Потомъ взялъ себѣ, въ качествѣ жены, бывшую нѣмецкую горничную, Марту Скавронскую — которую, при переходѣ въ православіе, назвалъ Екатериной. Петръ короновалъ ее императрицей, ее вслухъ всѣ называли „вашимъ величествомъ“, а дочерей ея царевнами, — а про себя говорили, что, вѣдь, первая-то жена еще жива, да и съ Екатериной Петръ обвѣнчался не сразу, и дочери-то родились до брака. Ничего постыднѣе этой бывшей горничной, которая, ставъ императрицей, безъ просыпу пьянствовала съ утра до ночи, и представить себѣ нельзя: тѣмъ не менѣе, по смерти Петра, дворяне охотно и съ ликованіемъ признали ее своей государыней — хотя она даже имени своего подписать не умѣла! Екатерина I, однако, не долго пережила мужа, заразившаго и ее дурной болѣзнью. Послѣ нея на русскомъ престолѣ смѣнились: внукъ Петра, Петръ II, развратный мальчишка, въ тринадцать лѣтъ уже бѣгавшій за женщинами, и умершій четырнадцати, не то отъ послѣдствій разврата, не то отъ оспы; племянница Петра, Анна, отдавшая Россію въ кабалу своему любовнику курляндскому нѣмцу Бирону; внучатный племянникъ этой Анны, годовалый младенецъ, Иванъ, котораго Анна назначила своимъ наслѣдникомъ еще до его рожденія: такъ и присягали: „тому, который имѣетъ родиться“! Отъ имени этого годовалаго императора, управляла его мать, глупая и трусливая

нѣмецкая принцесса, кромѣ отдаленнаго родства, не имѣвшая никакого отношенія къ Россіи, и, тѣмъ не менѣе, состоявшая „правительницей“ Россійской имперіи цѣлыхъ три недѣли, — занимаясь, впрочемъ, почти исключительно карточной игрой, а не „дѣлами управленія“. При ней царская корона, очевидно, слишкомъ ужъ „плохо лежала“; сейчасъ же нашлись ловкіе люди, которые этою плохо лежавшей вещью завладѣли — и посадили на престолъ дочь Петра, Елизавету. То была самая популярная среди дворянъ императрица: объ ея царствованіи вспоминали потомъ, какъ о золотомъ вѣкѣ. Развратна она была такъ, какъ только можно было ожидать отъ дочери Петра и нѣмецкой горничной Марты. Какихъ только любовниковъ не перебывало у Елизаветы Петровны, начиная, кажется, съ ея родного племянника, Петра III, и продолжая гвардейскими солдатами, придворными пѣвчими, иностранными посланниками и мальчишками-кадетами изъ кадетскаго корпуса. Лѣнива она была до того, что по цѣлымъ недѣлямъ указа не могла подписать. Но дворянамъ совсѣмъ не нуженъ былъ ретивый государь — они Петромъ I иногда не очень были довольны за то, что онъ никому покоя не давалъ. Имъ нуженъ былъ царь, который бы не мѣшалъ помѣщикамъ дѣлать все, что они хотятъ, — а отъ Елизаветы какая же кому была помѣха? Оттого и любили ее дворяне. Въ концѣ царствованія Елизаветы и произошелъ тотъ большой скандалъ, который царская фамилія тщательно скрываетъ и о которомъ писать въ Россіи строжайше запрещено. Елизавета хотѣла имѣть своего наслѣдника. Маленькаго Ивана — который такъ и не зналъ, что онъ былъ императоромъ! — она заперла въ тюрьму, а себѣ выписала изъ за-границы своего маленькаго племянника, гольштинскаго (нѣмецкаго) принца Петра: того самаго Петра III, о которомъ говорилось выше. Что выросши онъ оказался пьяницей и дуракомъ, это еще сполгоря. Но оказалось хуже — онъ не способенъ былъ имѣть дѣтей. Какъ-нибудь нужно же было, однако, продолжать царскій родъ. Когда выяснилось, что у Петра не можетъ быть потомства, думали, думали — и рѣшили, наконецъ, позволить его женѣ, Екатеринѣ (будущей императрицѣ Екатеринѣ II), имѣть любовниковъ. Та этимъ правомъ, съ высочайшаго соизволенія измѣнять мужу (котораго она терпѣть не могла), воспользовалась очень широко, — и любовниковъ имѣла нѣсколько. Отъ одного изъ нихъ, Салтыкова, она родила великаго князя Павла Петровича — впослѣдствіи того самаго сумасшедшаго императора Павла, о которомъ тоже говорилось выше. А отъ этого Павла пошелъ весь т е п е р е ш н і й ц а р с к і й д о м ъ — который, такимъ образомъ, н и к а к о г о о т н о ш е н і я к ъ Р о м а н о в ы м ъ н е и м ѣ е т ъ, даже если считать Петра III за „Романова“, хотя и тотъ Михаилу и

его потомству — седьмая вода на киселѣ. Зато нынѣшній царскій домъ имѣетъ высокую честь происходить отъ человѣка, несомнѣнно сумасшедшаго. То-то они всѣ такіе умные!

Ко времени вступленія на престолъ Петра III крѣпостное право окончательно сложилось. Крестьяне, казалось, привыкли къ своему положенію. Дворяне увѣрились, что дѣло сдѣлано прочно, что бояться имъ больше нечего — и начали капризничать. Имъ стало казаться, что царская власть мало имъ даетъ, что надо больше. Раньше дворяне подлежали обязательной воинской повинности — Петръ III освободилъ ихъ отъ нея, а такъ какъ податей дворяне и раньше не платили, то теперь они были освобождены, въ сущности, отъ всякихъ обязанностей передъ государствомъ. Тѣмъ не менѣе, Петра III свергли и убили — на престолъ дворянами была возведена знакомая намъ „родоначальница“ нынѣшнихъ „Романовыхъ“, Екатерина II. Она всячески лебезила передъ дворянами — распространила, напримѣръ, крѣпостное право на Малороссію, гдѣ еще уцѣлѣли къ тому времени свободные крестьяне. Но дворянамъ всего было мало — они требовали себѣ привиллегій, вродѣ тѣхъ, какими пользовались заграничные, западно-европейскіе дворяне, требовали чуть не дворянской конституціи. И какъ же жестоко были за это наказаны!

Лѣтъ черезъ десять послѣ восшествія Екатерины на престолъ, возстали, выведенные изъ терпѣнія разными притѣсненіями, уральскіе казаки. Оттуда возстаніе перекинулось на уральскіе горные заводы — тамошнее населеніе было вольное, но царское правительство прикрѣпостило его къ заводамъ, уральскіе крестьяне не могли этого перенести и постоянно волновались. Казакамъ и заводскимъ рабочимъ удалось разбить посланныя противъ нихъ царскія войска, — отряды возставшихъ появились въ приволжскихъ губерніяхъ, и все крѣпостное населеніе этихъ губерній поднялось, какъ одинъ человѣкъ. Казань, Пенза, Саратовъ были взяты возставшими. Царскіе солдаты во многихъ мѣстахъ переходили на ихъ сторону. Полторы тысячи помѣщиковъ закачались на висѣлицахъ; мѣстами, все дворянство было такъ чисто истреблено, что не осталось даже наслѣдниковъ — имѣнія доставались дальнимъ родственникамъ, проживавшимъ въ другихъ губерніяхъ. Перепуганное дворянство сбѣгалось въ города, въ страхѣ и трепетѣ ожидая своей участи. Въ самой Москвѣ былъ ужасъ и паника — боялись, что, по примѣру уральскихъ, возстанутъ московскіе и тульскіе мастеровые. Но крестьянство было плохо организовано. Его предводитель, донской казакъ Пугачевъ, объявившій себя императоромъ Петромъ III, будто бы не убитымъ, а спрятавшимся, самъ не понималъ своего значенія. Его приближенные только грабили и пьянствовали. Правитель-

ству Екатерины II удалось стянуть въ Поволжье большія военныя силы; туда были посланы лучшіе генералы (между прочимъ, знаменитый Суворовъ). Возставшіе были разбиты — и возстаніе было усмирено самымъ варварскимъ образомъ: цѣлыя деревни были „сбриты", масса крестьянъ была повѣшена или запорота на смерть.

Дворяне долго не забыли пережитаго ужаса. Поняли они, *какъ нужна царская власть для поддержанія крѣпостного права* — и ужъ больше ни о какихъ капризахъ съ ихъ стороны не было слышно. Вчерашніе конституціоналисты на брюхѣ ползали передъ Екатериной II, всячески прославляя ея доброту, умъ и разные таланты. Не только предъ самой Екатериной пресмыкались, передъ любовниками ея, Потемкинымъ и Зубовымъ, сгибались кольцомъ, руки у нихъ цѣловали, — всякое нахальство ихъ переносили безропотно. Такъ вышколила русскихъ дворянъ пугачевщина, что послѣ смерти Екатерины, сумасшедшаго Павла они терпѣли четыре года, тогда, какъ „отецъ" его, Петръ III, куда болѣе сносный, не усидѣлъ и шести мѣсяцевъ. И убили уже, наконецъ, Павла только когда совсѣмъ не въ моготу стало; Павелъ былъ *шестымъ* по счету русскимъ царемъ, умершимъ не своей смертью (несчастнаго Ивана при Екатеринѣ II тоже зарѣзали въ тюрьмѣ). Когда наслѣдникъ Павла, Александръ I, самъ хотѣлъ дать что-то въ родѣ конституціи — онъ былъ человѣкъ европейскаго воспитанія и находилъ, что быть конституціоннымъ государемъ „приличнѣе", — дворяне отнеслись къ его проектамъ очень холодно: при самодержавіи имъ казалось покойнѣе. Александръ и самъ потомъ понялъ, что конституція русскому дворянству — ни къ чему, и отдалъ всю Россію въ управленіе Аракчееву, котораго самъ называлъ мерзавцемъ — и который былъ когда-то правой рукой убитаго Павла. Когда кучка дворянской молодежи, возмущенная аракчеевскимъ управленіемъ, захотѣла добиться конституціи силой (возстаніе 14 декабря 1825 года), масса помѣщиковъ также не поддержала ее, какъ не поддержала конституціонныхъ попытокъ самого Александра I. Слѣдующій царь, Николай Павловичъ, — „Николай Палкинъ", — пошелъ по стопамъ Павла и Аракчеева. При немъ вся Россія обратилась въ казарму, — а каково жилось въ казармѣ, можно судить по тому, что при Николаѣ провинившимся дворянскимъ сынкамъ не было страшнѣе наказанія, какъ „сдать въ солдаты". Но дворянъ онъ всегда ублажалъ, тщательно охранялъ ихъ интересы и съ гордостью заявлялъ всегда, что онъ „самъ дворянинъ, самъ помѣщикъ". Помѣщикамъ было это очень пріятно — и они дѣлали въ своихъ имѣніяхъ все, что хотѣли; никогда еще барщина крестьянская не достигала такихъ размѣровъ, какъ при Николаѣ. Въ концѣ царство-

ванія Николая, одинъ изъ его министровъ прямо признался, что самодержавіе и крѣпостное право связаны круговой порукой, — отмѣнишь одно, надо отмѣнить и другое.

Послѣдствія показали, что это была сущая правда: но, тѣмъ не менѣе, и для „освобожденія“ крестьянъ помѣщикамъ опять-таки понадобилась царская власть. Къ концу николаевскаго царствованія помѣщики стали находить, что крѣпостное право невыгодно для нихъ самихъ, помѣщиковъ. Барщинный трудъ — плохой трудъ: не даромъ и поговорка сложилась — „муха лѣтомъ работаетъ на барина, а осенью на себя“. Кабы превратить крестьянина въ вольнонаемнаго батрака, мечтали помѣщики, — какъ въ Западной Европѣ давно сдѣлано, — были бы наши имѣнія много доходнѣе. Но чтобы вести хозяйство на наемномъ трудѣ, нужны деньги: гдѣ ихъ взять? Это первое. А потомъ, какъ заставить крестьянина по „вольному“ найму работать на барской пашнѣ? Придумали такъ: „освобождая“ крестьянъ, дать имъ земли возможно меньше да заставить заплатить помѣщику за землю возможно дороже. Но какъ заставить крестьянъ принять такую „волю“ и заплатить тѣ деньги, которыя помѣщикамъ были нужны? Вотъ тутъ то царская власть опять и понадобилась: сынъ Николая, „царь-освободитель“ Александръ II, 19 февраля 1861 года далъ крестьянамъ такую „волю“, какая нужна была — помѣщикамъ. Больше двухъ тысячъ крестьянскихъ бунтовъ пришлось усмирить, чтобы эту „волю“ крестьяне приняли. Во многихъ случаяхъ немало крестьянъ было при этомъ освобождено совсѣмъ отъ всякихъ земныхъ обязанностей: такъ, въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, былъ убитъ 51 человѣкъ да ранено 77; въ деревнѣ Черногаѣ и селѣ Кандеевкѣ Пензенской губерніи убито 11 человѣкъ и раненъ 31, — да послѣ усмиренія было сослано въ каторгу, послѣ жестокаго тѣлеснаго наказанія, 178 человѣкъ; въ имѣніяхъ князя Голицына, въ Смоленской губерніи, убито 22 человѣка и искалѣчено 123. Зато помѣщики получили въ свою пользу, въ черноземныхъ губерніяхъ, до третьей части земли, принадлежавшей раньше крестьянамъ. Да деньгами крестьяне уплатили помѣщикамъ 867 милліоновъ рублей, — тогда какъ отошедшая къ крестьянамъ при освобожденіи земля, по самой высокой оцѣнкѣ, стоила не болѣе 544 милліоновъ: слишкомъ триста милліоновъ содрали помѣщики съ крестьянъ ни за что, ни про что! Было дворянамъ изъ-за чего восхвалять „царя-освободителя“.

Но когда эта, благодѣтельная для дворянства, операція была совершена, въ самодержавіи больше какъ будто не было уже нужды. Оттого послѣ реформы 19 февраля наше дворянство и начинаетъ опять либеральничать — и дворянскія помѣщичьи земства становятся гнѣздомъ россійскаго либерализма почти

до самаго 1905 года. Дворяне подаютъ Александру II адреса, гдѣ высказываютъ желаніе, чтобы была дана конституція, стараются расширить права земскихъ собраній и т. д. Но, какъ и при Екатеринѣ II, очень скоро оказалось, что безъ царской власти нашимъ „правящимъ классамъ“ не обойтись. Уже въ 60-хъ годахъ появляются у насъ первые проповѣдники соціализма, — сразу же напугавшаго либеральныхъ дворянъ до чрезвычайности. Имъ стали мерещиться самыя страшныя картины — они готовы были вѣрить всякимъ нелѣпостямъ, вродѣ того, напримѣръ, что пожаръ въ Петербургѣ, въ 1862 году, устроили студенты-соціалисты! А съ 80-хъ годовъ началось рабочее движеніе, къ которому потомъ присоединилось крестьянское, — тутъ ужъ наши либералы воочію убѣдились, что безъ „сильной власти“ и въ новой, „свободной“ Россіи не обойдешься.

О томъ, какую роль играла царская власть при „усмиреніи“ рабочихъ и крестьянскихъ „безпорядковъ“, едва ли нужно говорить: у всѣхъ эта роль въ свѣжей памяти. Стоитъ только вспомнить, что однимъ изъ первыхъ дѣяній Николая II была благодарность „молодцамъ-фанагорійцамъ“, растрѣлявшимъ рабочихъ стачечниковъ въ Ярославлѣ. Николай Кровавый правильно понимаетъ свою задачу: вездѣ, гдѣ нужно угнетать и разстрѣливать, „тащить и не пущать“, царская и вообще монархическая власть является послѣднимъ прибѣжищемъ. Оттого-то всѣ буржуазныя партіи у насъ — монархическія, и вездѣ, гдѣ уцѣлѣла монархія, буржуазія тщательно ее охраняетъ и ею дорожитъ: такъ, въ Германіи единственная республиканская партія — соціалдемократическая; а буржуазныя партіи и тамъ, какъ у насъ, всѣ монархическія. Во Франціи буржуазія рѣшилась ввести республику, только разстрѣлявъ 20.000 рабочихъ — въ надеждѣ, что эти послѣдніе теперь навсегда „усмирены“. А когда, — правда, послѣ длиннаго мертваго промежутка, — рабочее движеніе во Франціи опять подняло голову, буржуазія начинаетъ съ сочувствіемъ думать о монархіи и подготовлять ея возстановленіе. Наоборотъ, вездѣ гдѣ народной массѣ удается, хотя на мигъ, одержать рѣшительную побѣду, эта побѣда ознаменовывается низверженіемъ монархіи. Такъ было въ 1792 году во Франціи — такъ было на нашихъ глазахъ въ Китаѣ. Такъ будетъ и у насъ въ Россіи, когда народъ сдѣлается хозяиномъ своей судьбы.

□ **Н. Троцкій.** □

: Благочестивѣйшій, :
: самодержавнѣйшій! :

БИБЛИОТЕКА ЦК (П. б.) ИСТПАРТА

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Извѣстный нынѣ умѣренно-либеральный монархистъ Петръ фонъ Струве непочтительно называлъ Николая въ 1904 году „августѣйшимъ штемпелемъ", который-де любымъ министромъ прикладывается къ бумагѣ. Эта оцѣнка была, однако, невѣрной. Николай Романовъ не только штемпель. Онъ самъ — несмотря на все свое ничтожество — играетъ очень большую роль во всѣхъ событіяхъ своего царствованія. Борясь за подчиненіе себѣ царя, министры, шептуны и временщики вынуждены не только льстить ему на словахъ, прославляя его боговдохновенную мудрость, но и подлаживаться подъ него на дѣлѣ, цѣпляться за его симпатіи, раздувать его капризы, угождать его предразсудкамъ, — и такимъ образомъ въ концѣ концовъ именно онъ самъ, Николай II, со своими взглядами и вкусами, оказывается въ центрѣ всей государственной машины, всѣхъ ея преступленій и злодѣяній. И та личная ненависть, какую питаютъ къ Николаю сознательные рабочіе, да и всѣ мыслящіеч и естные граждане, въ полной мѣрѣ заслужена этимъ коронованнымъ уродомъ.

АРХИВ ИСТПАРТА

1065375

*

Въ конецъ обдѣленный природой, вырожденецъ по всѣмъ признакамъ, со слабымъ, точно коптящая лампа, умомъ, со слабой волей, Николай былъ воспитанъ въ атмосферѣ казарменно-конюшенной мудрости и семейно-крѣпостническаго благочестія своего родителя, крутого и тупого Александра III. Что такое свободная мысль человѣческая и человѣческія страсти, что такое идеалы человѣческіе, — этого онъ, разумѣется, не могъ никогда узнать своимъ немощно-безкровнымъ мозгомъ — да еще въ окружающей его непроницаемо-подлой обстановкѣ вѣкового лицемѣрія, искательства и раболѣпія. Онъ видѣлъ изо дня въ день отраженіе своей жалкой физіономіи только въ полированно-льстивыхъ лицахъ придворныхъ карьеристовъ и приживаловъ, — и они изо дня въ день пропитывали его худосочный мозгъ тѣмъ убѣжденіемъ, что онъ, Николай Романовъ, является сосудомъ божественной благодати, которую онъ и долженъ изливать на нихъ и на ихъ присныхъ въ формѣ золотого дождя.

Образъ мыслей Николая складывался въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, въ эпоху міровой реакціи и тупой неподвижности, — и въ его сознаніи Россія навсегда запечатлѣлась, какъ покорное и молчаливое царство подъ спасительной подковой Александра III. Интересы династіи, царя, наслѣдника, великихъ князей, княгинь и княженъ, хищные аппетиты золоченой придворной черни; своевластіе министровъ, по собачьи раболѣпныхъ передъ царемъ; ненасытность титулованныхъ крѣпостниковъ, акулья пасть святѣйшаго синода, — въ этой обстановкѣ, среди этихъ условій и вліяній, сложился нынѣшній властитель Россіи, — и мудренно ли, если вся эта, отъ отца, дѣда и прадѣдовъ унаслѣдованная обстановка, казалась и кажется ему такимъ же естественнымъ, природнымъ, „божескимъ", неизмѣннымъ установленіемъ, какъ солнечный свѣтъ или зимній холодъ.

„Не ждите земли: слушайтесь вашихъ предводителей дворянства", строго сказалъ Николай крестьянамъ во время коронованія, повторяя слова отца своего; „будьте спокойны: я не забуду вашихъ нуждъ", сказалъ онъ тогда же дворянамъ.

Новыя потребности жизни, пробужденіе народа, развитіе революціоннаго движенія — все это поворачивалось къ нему не только своей враждебной, но и своей непонятной, темной, „дьявольской" стороной. Въ маленькой, сырой и темной каморкѣ своего міропониманія онъ не могъ найти ничего для объясненія этихъ новыхъ таинственныхъ фактовъ, кромѣ церковныхъ суевѣрій. Науки, книги, совершенно чуждая и враждебная ему область. Его прирожденная духовная трусость находитъ для себя единственный выходъ — въ суевѣріи, въ самыхъ нелѣпыхъ и непристойныхъ формахъ его: колдовствѣ, гаданьяхъ, заклинаніяхъ, которыя роднятъ Николая съ какимъ-нибудь степнымъ бурятомъ.

И трусость царя, и его суевѣрія неотмѣнно эксплуатировались окружающими его придворными кружками, этими истинными разбойничьими шайками, во главѣ которыхъ стоятъ матерые атаманы. Безъ пониманія событій, запуганный ими и озлобленный, Николай безпомощно и злобно барахтается со дня своего воцаренія въ водоворотѣ интригъ, разрываетъ одну паутину, чтобы тотчасъ же попасть въ другую, освобождается отъ вліянія одного прохвоста, чтобъ попасть подъ вліяніе другого, еще большаго. Онъ хочетъ одного: охраненія идіотизма, общественной и государственной неподвижности. И онъ ищетъ людей и средствъ, которыя дали бы ему возможность преодолѣть козни и чары историческаго процесса. Побѣдоносцевъ, князь Мещерскій, Плеве, князь Сергій, мощи Серафима Саровскаго, Зубатовъ, чудодѣй Филиппъ, Азефъ, молебны и разстрѣлы, Столыпинъ и Распутинъ, спиритизмъ и провокація, онъ за все хватается — то поочередно, то одновременно, чтобъ пріостановить колесо развитія.

Но оно не останавливается. Романовъ озлобляется — и то подлое и порочное, что лежитъ въ основѣ его натуры, все безстыднѣе выступаетъ наружу. Тупая апатія все чаще смѣняется въ немъ припадками эпилептической злобы. Онъ быстро привыкаетъ къ веревкѣ, свинцу, кандаламъ, крови, — и чтеніе отчетовъ о погромахъ, заточеніяхъ, разстрѣлахъ доставляетъ ему сладострастное удовлетвореніе.

* * *

Въ Николаѣ II, какъ не разъ уже указывалось, есть много чертъ, роднящихъ его съ полоумнымъ Павломъ, у котораго разсудокъ замѣнялся сумасбродствомъ, а чувства — полуживотными капризами. Но Павелъ куралесилъ въ началѣ XVIII столѣтія у себя въ Петербургѣ, отрѣзанный отъ населенія всей страны. Онъ былъ страшенъ, главнымъ образомъ, для придворныхъ, для столичныхъ чиновниковъ, для гвардейскихъ полковъ. Николай II получилъ власть надъ новой Россіей, связанной воедино желѣзными дорогами, телеграфомъ, централизованной бюрократіей, широкимъ внутреннимъ рынкомъ, единствомъ капиталистическихъ интересовъ.

Павелъ былъ испуганъ далекой и непонятной ему Великой Французской Революціей, но въ собственной-то вотчинѣ у него тогда было все спокойно. А Николай съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія оказался передъ революціоннымъ движеніемъ въ самой Россіи, на всемъ ея протяженіи. Если дикія сумасбродства Павла носили преимущественно дворцовый характеръ, то уродливая личность Николая II опредѣляла и еще опредѣляетъ формы всей государственной политики, усугубляя ея подлый святошески-разбойничій, церковно-погромный характеръ.

Въ 1894 году Николай II вступилъ на престолъ, ознаменовавъ въ 1896 году свое коронованіе ужасающей ходынской катастрофой. Праздничное поле, покрытое пятью тысячами труповъ, — московская Ходынка стала какъ бы кровавымъ предвѣщеніемъ для всего этого кошмарнаго царствованія.

Уже въ 1895 году, когда во время стачки въ Ярославлѣ было убито 13 рабочихъ солдатами Фанагорійскаго полка, царь во всеобщее свѣдѣніе написалъ на докладѣ министра:

„Весьма доволенъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ безпорядковъ". И молодой, едва оперившійся самодержецъ, послалъ „сердечное спасибо молодцамъ фанагорійцамъ". А въ числѣ жертвъ фанагорійскаго молодечества были: одна женщина и одинъ ребенокъ!

Вся преступно-дрянная натурешка коронованнаго Митрофана безъ остатка проявилась въ этомъ вызывающемъ „царскомъ спасибо", которое послужило сигналомъ къ безчисленнымъ дальнѣйшимъ кровопролитіямъ.

Въ 1897 году было въ Домбровѣ убито 8 рабочихъ.

Въ 1899 году много убитыхъ и раненыхъ въ Ригѣ.

Въ 1901 году 6 убито и 8 ранено на Обуховскомъ заводѣ въ Петербургѣ.

Въ мартѣ 1902 года въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ войско стрѣляло въ крестьянъ, — были убитые и раненые.

Въ ноябрѣ 1902 года казаки убили 6 рабочихъ и ранили 12 въ Ростовѣ.

Въ ноябрѣ 1902 года убито казаками 5 человѣкъ и ранено 17 во время рабочей сходки на станціи Тихорѣцкой.

Въ мартѣ 1903 года убито въ Златоустѣ 69 рабочихъ, ранено 100.

И такъ дальше, — все чаще и чаще: каждый мѣстный сатрапъ уяснилъ себѣ, что легчайшій и кратчайшій путь къ царскимъ милостямъ лежитъ черезъ кровь и трупы дѣйствительныхъ или мнимыхъ „бунтовщиковъ“.

А Николай II, начиная съ 1904 года и до сего дня, никогда не упускалъ случая открыто проявить свою трусливо-кровожадную ненависть къ народной массѣ, когда она хоть слегка приподниметъ голову.

Въ 1902 году, когда харьковскій губернаторъ Оболенскій перепоролъ волновавшихся харьковскихъ крестьянъ, Николай II не только пожаловалъ Оболенскому орденъ, но и переслалъ ему черезъ Плеве свой царскій поцѣлуй.

Представителямъ корпуса жандармовъ Николай сказалъ въ томъ же 1902 году: „Надѣюсь, что связь, установившаяся сегодня между мною и корпусомъ жандармовъ, будетъ крѣпнуть съ каждымъ днемъ“. Корпусъ жандармовъ — вѣдь это его главная военная сила, его опора и надежда, его передовой отрядъ въ борьбѣ съ собственнымъ народомъ!

Аресты, ссылки, сѣченіе розгами, избіенія плетью, пытки, висѣлицы, разстрѣлы по суду и безъ суда — вотъ та нравственная атмосфера, въ которой вольнѣе всего дышитъ своими жабрами русскій царь.

Злость, животная мстительность, въ немъ скоро выростаютъ въ ненасытную кровожадность — и эта дрянная фигура изъ мусорнаго ящика человѣчества становится единственной въ своемъ родѣ по злодѣйству и преступности!

* * *

Въ первый же годъ Николаевскаго царствованія было закрыто 6 изданій и отказано въ разрѣшеніи 86 изданій. Ненависть къ мысли человѣческой, ко всему, на чемъ лежитъ печать духа святого, осталась вдохновляющей идеей царя, который черезъ свой синодъ отлучилъ Льва Толстого отъ церкви. Въ этой ненависти соединились страхъ царя за колеблемый со всѣхъ сторонъ тронъ — съ завистью обдѣленнаго природой человѣка.

Недовольныхъ студентовъ Николай приказалъ въ 1899 году сдавать въ солдаты, а демонстрантовъ-рабочихъ стали, съ его поощренія, сѣчь. Онъ не разъ мечталъ о превращеніи университетовъ въ казармы, а фабрикъ — въ арестантскія роты, — и со скрежетомъ зубовнымъ наталкивался на препятствія.

Николай не остановился передъ клятвопреступленіемъ, передъ нарушеніемъ своей собственной и предковъ своихъ торжественной присяги, чтобы обрушить бичи и скорпіоны самодержавной власти на культурный и спокойный финляндскій народъ.

Доведя, при помощи Бобриковыхъ, финляндцевъ до возстанія, Николай въ ноябрѣ 1905 г. трусливо и воровато отступилъ, давъ обѣщаніе возстановить автономію Финляндіи. Но какъ только улеглись волны революціоннаго прибоя, августѣйшій клятвопреступникъ снова возобновилъ свою работу по разгрому финляндской свободы и независимости.

Руководимый Побѣдоносцевымъ, Николай проявлялъ всегда живѣйшій интересъ къ преслѣдованіямъ раскольниковъ и сектантовъ. Высылки „упорствующихъ“ сектантовъ, захватъ ихъ имущества, разлученіе женъ съ мужьями и родителей съ дѣтьми — эти мѣры всегда находили надежнѣйшую опору въ коронованномъ главѣ православно-церковнаго насилія и барышничества.

Въ 1898 году Николай II обращается къ великимъ державамъ съ предложеніемъ сообща обсудить мѣры къ ограниченію вооруженій и предотвращенію войнъ. Ни одинъ разумный человѣкъ во всемъ мірѣ не придавалъ этому лицемѣрному призыву царя сколько-нибудь серьезнаго значенія. Хищные замыслы царизма на ближнемъ и особенно на дальнемъ Востокѣ всѣмъ были извѣстны. Это не помѣшало, конечно, продажнымъ газетамъ, какъ „Новое Время“, пѣть хвалу любвеобильному „молодому монарху“, а казенные историки уже начертали на августѣйшемъ челѣ его слово „миротворецъ“.

За нѣсколько дней до начала русско-японской войны Николай заявилъ всему міру: „Войны не будетъ. Я хочу, чтобъ царствованіе мое было эрой мира до конца!“

Это торжественное заявленіе оказалось столь же лживымъ, какъ и многія другія. Разразилась русско-японская война, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи, — и главная тяжесть отвѣтственности за нее падаетъ на самого царя. Въ то время, какъ оффиціальная царская дипломатія, пугаясь жалкаго состоянія царской арміи, стремились устоять на дорогѣ мира, за ея спиною, но подъ неизмѣннымъ покровительствомъ царя, орудовали отъявленные авантюристы Абаза, Безобразовъ и Алексѣевъ, которые сознательно гнули къ войнѣ. Въ своей тайной телеграммѣ отъ 26 января 1904 года Николай разрѣшалъ Алексѣеву аттаковать японцевъ, „не дожидаясь перваго выстрѣла съ

ихъ стороны. — „Надѣюсь на васъ, — телеграфировалъ Николай. — Помоги вамъ богъ!“

Однимъ изъ послѣднихъ толчковъ къ этой позорнѣйшей и преступнѣйшей во всей новой исторіи войнѣ послужила забота о лѣсныхъ захватахъ въ Кореѣ, гдѣ пайщиками лѣсной концессіи на Ялу выступали вороватые великіе князья и самъ царь, внесшій въ дѣло нѣсколько своихъ милліоновъ, въ разсчетѣ на неисчислимые барыши . . .

Злополучный „миротворецъ“ не предвидѣлъ, конечно, что страшная рѣка крови хлынетъ отъ этой лѣсной концессіи съ Востока на Западъ, и что онъ самъ едва не захлебнется въ этой крови . . .

* * *

Но нѣтъ сомнѣнія: всѣ преступленія этого царствованія и этого царя — и даже ужасающая русско-японская война съ ея сотнями тысячъ жертвъ — меркнутъ и блѣднѣютъ передъ потрясающимъ злодѣяніемъ 9-го января. Здѣсь всѣ событія сосредоточились вокругъ личности царя: къ нему шли стотысячныя массы со своими нуждами и требованіями, отъ него ждали помощи, въ него вѣрили. Никогда еще въ такой поразительно яркой, ничѣмъ не затемненной формѣ не сталкивались лицомъ къ лицу эти двѣ силы: царь и народъ. И никогда еще, можетъ быть во всей міровой исторіи царь не отвѣчалъ съ такой безстыдно-кровожадной откровенностью на просьбы „своего“ народа.

Массовая пальба по безоружнымъ и мирно настроеннымъ рабочимъ людямъ, которые стремились со всѣхъ концовъ столицы къ Зимнему Дворцу — иные съ царскими портретами и церковными хоругвями,—и это въ то самое время, когда братья и сыновья этихъ людей гибли десятками тысячъ на дальнемъ Востокѣ, — можно ли представить себѣ болѣе адское преступленіе? И мыслимъ ли болѣе сокрушительный ударъ по идеѣ „народнаго монарха“? Рабочій Петербургъ 9-го января не увидѣлъ царя живьемъ, какъ наивно надѣялся, — но нравственный образъ коронованной гадины обнажился въ тотъ день передъ всей Россіей.

О царскихъ помѣткахъ на докладахъ, объ его закулисномъ натравливаніи полицейскихъ шаекъ на народъ знали десятки или сотни тысячъ.

О кровавомъ воскресеньѣ 9-го января заговорила вся Россія. Этотъ день вошелъ въ исторію нашей родины кровавымъ водораздѣломъ между старой и новой Россіей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 9-ое января стало днемъ несомнѣннаго перелома въ личномъ поведеніи царя. До 9-го января онъ всеже налагалъ на себя еще нѣкоторыя ограниченія, и его фигура прирожденнаго преступника оставалась до извѣстной степени въ

тѣни, заслоняемая дородными тѣлами его временщиковъ, льстецовъ и подручныхъ. Послѣ 9-го января въ правительственныхъ сферахъ совершается процессъ быстраго разложенія: съ одной стороны выдѣляется партія политическихъ фальшивомонетчиковъ, вродѣ графа Витте, которые стремятся обмануть народъ поддѣлкой реформъ — съ другой — вокругъ царя объединяется банда кровопускателей, въ которую входятъ сіятельные и превосходительные громилы, баши-бузуки въ синодскихъ клобукахъ и наемные патріотическіе горланы, вродѣ Дубровина, Пуришкевича и Маркова, съ ихъ шайками уголовно-монархическихъ пропоицъ. Царь становится признаннымъ и открытымъ покровителемъ этой разномастной, но одинаково преступной сволочи. Это — его единомышленники, его соратники, его духовные братья. Онъ собственноручно набиваетъ ихъ карманы золотомъ изъ десятимилліоннаго тайнаго фонда; онъ принимаетъ ихъ у себя, шлетъ имъ благодарственныя и иныя телеграммы, даритъ имъ свои портреты и публично лобызается съ ними. Это — его партія, это — подлинный, романовскій „народъ“.

Среди этой братіи Николай сбрасываетъ съ себя послѣдніе покровы благопристойности. Онъ разнуздываетъ громилъ своимъ покровительствомъ, а они въ свою очередь толкаютъ его все глубже въ кровь и въ грязь. Николай усваиваетъ себѣ окончательно всѣ пріемы и черты отъявленнаго отщепенца, для котораго не существуетъ ни интересовъ общаго, ни нравственныхъ устоевъ, ни общественнаго мнѣнія, ни правилъ приличія — и эти черты преступнаго бродяги принимаютъ у него чудовищные размѣры, ибо его хилыя плечи покрыты горностаевой мантіей всемогущества и неприкосновенности.

* * *

Самъ „инородецъ“ съ головы до пятъ, безъ единой капли русской крови въ жилахъ, Николай пропитывается однако „истинно-русской“, побѣдоносцевски-дубровинской ненавистью къ инородцамъ, въ лицѣ которыхъ для него соединяется все, что колеблетъ его тронъ или смущаетъ его покой. Походъ на Финляндію, грабежъ армянскихъ церквей, преслѣдованія поляковъ — все это внушалось имъ самимъ, Николаемъ. Но на первомъ мѣстѣ въ его личной политикѣ безспорно стоитъ полоумная, не знающая предѣла ненависть къ евреямъ.

Когда Драчевскій, назначенный въ свое время ростовскимъ градоначальникомъ, представляясь царю, высказалъ свое сожалѣніе по поводу слишкомъ большого числа жертвъ ростовскаго погрома, царь спросилъ:

„А сколько же убито?“

— Сорокъ человѣкъ, отвѣтилъ Драчевскій.

„Только то! — воскликнулъ разочарованный царь, — я думалъ, гораздо больше".

Когда Лопухинъ осенью 1905 года открылъ въ департаментѣ полиціи погромную типографію, и Витте, бывшій тогда предсѣдателемъ совѣта министровъ, доложилъ объ этой находкѣ царю, Николай собственноручно написалъ на докладѣ:

„прошу васъ не вмѣшиваться въ дѣла министра внутреннихъ дѣлъ, который имѣетъ у меня личный докладъ".

Этими словами Николай хотѣлъ прямо показать, что дѣлами о погромныхъ типографіяхъ и о другихъ погромныхъ дѣлахъ онъ завѣдуетъ самъ непосредственно, что это его заповѣдное вѣдомство.

И Николай дѣйствительно становится не только покровителемъ, но и всероссійскимъ зачинщикомъ самыхъ ужасающихъ выступленій погромной контръ-революціи. Нити черно-боевой организаціи соединяются въ Царскомъ Селѣ или Петергофѣ, и погромное „дѣйствіе" вездѣ разыгрывается по одному и тому же общему плану.

Въ назначенный для погрома день — молебствіе въ соборѣ. Затѣмъ патріотическое шествіе, руководимое полиціей — съ царскимъ портретомъ во главѣ. Оркестръ военной музыки непрерывно играетъ „Боже, царя храни!" — боевой гимнъ погромовъ. Къ звукамъ гимна скоро присоединяется звонъ разбитыхъ стеколъ и крики первыхъ жертвъ.

Охраняемая спереди и съ тылу солдатскими патрулями, съ казачьей сотней для погромныхъ развѣдокъ, съ полицейскими въ качествѣ вдохновителей, носится банда по городу въ кровавомъ угарѣ.

„Боже, царя храни!"

Подъ звуки гимна выбрасываютъ старуху изъ окна третьяго этажа, разбиваютъ стулъ о голову грудного младенца, насилуютъ дѣвочку на глазахъ толпы, вбиваютъ гвозди въ живое тѣло.

„Боже, царя храни! . ."

Объ одной изъ безчисленныхъ погромныхъ процессій сенаторъ Турау докладывалъ, что „впереди несли трехцвѣтное знамя, за нимъ — портретъ Государя, а непосредственно за портретомъ — серебряное блюдо и мѣшокъ съ награбленнымъ".

Этотъ портретъ Николая II-го — межъ знаменемъ монархіи и мѣшкомъ съ награбленнымъ — представляетъ собою наилучшій „гербъ" династіи, нынѣшній представитель которой является верховнымъ командиромъ той полуправительственной погромно-разбойничьей „истинно-русской" каморры, которая, переплетаясь съ оффиціальной бюрократіей и объединяя на мѣстахъ болѣе ста крупныхъ администраторовъ, руководила массовыми убійствами во славу монархіи.

Никакія разоблаченія въ этой области не останавливали Николая и не способны были побудить его хотя бы къ нѣкоторой внѣшней осторожности.

Николай подбираетъ себѣ — въ рамкахъ общаго бюрократическаго аппарата — своихъ собственныхъ излюбленныхъ администраторовъ, вродѣ Думбадзе и Толмачева, онъ открыто науськиваетъ ихъ на своихъ собственныхъ министровъ, если тѣ, на его вкусъ, недостаточно энергичны въ проведеніи монархо-погромной политики, онъ укрываетъ завѣдомыхъ убійцъ отъ глазъ его же именемъ засѣдающаго суда, онъ отдаетъ Дубровина на сбереженіе своему другу Думбадзе, онъ неизмѣнно милуетъ погромщиковъ и черносотенныхъ убійцъ, когда его собственный судъ приговариваетъ ихъ къ каторгѣ, наконецъ, онъ — сознательно издѣваясь надъ общественнымъ мнѣніемъ страны — жалуетъ своему другу Пуришкевичу, покрытому плевками общественнаго презрѣнія, чинъ статскаго генерала . . .

Поразительное по безстыдной подлости преслѣдованіе ни въ чемъ неповиннаго кіевскаго еврея Бейлиса (по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго) ведется главнымъ образомъ въ угоду царю: какъ сообщаютъ изъ хорошо освѣдомленныхъ источниковъ, самъ царь хочетъ во что бы то ни стало найти подтвержденіе дьявольской лжи объ употребленіи евреями христіанской крови, — и все министерство юстиціи привелено было въ движеніе для учиненія чудовищнаго подлога.

* * *

Кромѣ 9-го января, есть еще одна историческая дата, которая каленымъ желѣзомъ выжжена на лбу Николая II: это 3-е іюня.

Если въ актѣ 9-го января 1905 года раскрывается передъ нами слѣпая животная ненависть къ народу, то въ государственномъ переворотѣ 3-го іюня 1907 года полнѣе всего раскрываются лживость и вѣроломство царя, для котораго все: и законы, и учрежденія, и собственные манифесты, и обѣщанія, и „Божья воля“, — только различныя орудія для устрашенія, успокоенія, обмана или отвлеченія народа, — во имя единственной, все освящающей цѣли: упроченія трона и сохраненія самодержавнаго произвола.

18-го февраля 1905 года утромъ царь издаетъ погромно-побѣдоносцевскій манифестъ, призывающій всѣхъ „истинно-русскихъ“ сплотиться у подножія самодержавнаго трона. А въ полдень того же дня, испуганный испугомъ своихъ собственныхъ министровъ, за спиною которыхъ былъ сфабрикованъ этотъ манифестъ, царь издаетъ рескриптъ, въ которомъ обѣщаетъ созывъ народныхъ представителей. Эта вѣроломная двойственность проходитъ далѣе черезъ всѣ его дѣйствія. Онъ создаетъ комиссію для

выработки положенія о Думѣ, принимаетъ либеральную земскую депутацію, а въ то же время черезъ Трепова руководитъ сплоченіемъ черныхъ сотенъ. Послѣ октябрьской стачки онъ вручаетъ видимость власти перекрасившемуся въ либералы графу Витте, который нуженъ царю для заключенія займа, — а въ то же время, вмѣстѣ съ мясникомъ Дурново, Николай готовитъ декабрьскій разгромъ, карательныя экспедиціи и массовые разстрѣлы.

Въ эпоху первой Думы онъ ведетъ съ Муромцевымъ и Милюковымъ переговоры относительно образованія кадетскаго министерства, а въ то же самое время онъ, вмѣстѣ со Столыпинымъ и дубровинцами, подготовляетъ разгонъ Думы.

Нащупывая почву, царь собираетъ вторую Думу, потомъ, рѣшившись на новое клятвопреступленіе и на государственный переворотъ, уничтожаетъ ее; за одно онъ уничтожаетъ имъ же объявленный неприкосновеннымъ виттевскій избирательный законъ, въ концѣ обворовываетъ и безъ того жалкія избирательныя права народа и создаетъ такимъ образомъ возможность появленія на свѣтъ божій постыдной и безстыжей третьей Думы.

Противъ соціалдемократической фракціи второй Думы выдвигается одновременно наскоро слаженное охраной обвиненіе въ подготовкѣ вооруженнаго возстанія, и свыше 30 представителей революціоннаго пролетаріата отправляются царскимъ судомъ въ каторгу и на поселеніе.

Подлое дѣло 3-го іюня сдѣлано. Главные участники предпріятія: провокаторъ Бродскій, охранникъ Герасимовъ, временщикъ Столыпинъ и самодержецъ Николай Романовъ.

Его „августѣйшимъ“ именемъ и при его участіи проведенъ подлогъ и переворотъ 3-го іюня съ начала до конца. И въ дѣлѣ этомъ Николай снова показалъ всѣмъ свое лицо: онъ не знаетъ ни политическихъ принциповъ, ни моральныхъ обязательствъ, онъ не знаетъ, что такое голосъ совѣсти, — куда до всего этого ему, скорбному главою и душою!—онъ одинаково готовъ подкупать и убивать, клясться и обманывать, — только бы удержать на своемъ черепѣ корону, — великую трехсотлѣтнюю романовскую корону, къ охранѣ которой приставлены, съ одной стороны, самъ Господь Богъ, а съ другой — Евно Азефъ.

* * *

Тупой и запуганный, ничтожный по духу, но всесильный по власти, весь въ сѣтяхъ предразсудковъ, достойныхъ эскимоса, съ кровью, отравленной всѣми пороками ряда царственныхъ поколѣній, Николай Романовъ собственными ногами топчетъ глупую либеральную сказку о монархѣ, стоящемъ „внѣ партій“.

Трудно представить себѣ болѣе разнузданное издѣвательство надъ монархіей „божьей милостью“, какъ поведеніе этого субъекта, котораго любой судъ любой культурной страны долженъ

былъ бы приговорить къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, еслибъ только признанъ его вмѣняемымъ.

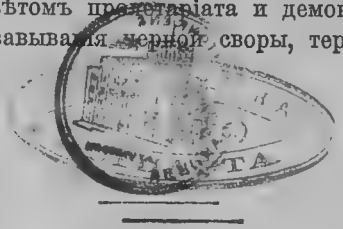
И вотъ онъ, этотъ неприкосновенно-безотвѣтственный другъ Дубровина и духовный сынъ „старца“ Распутина, выступаетъ какъ носитель славы и чести якобы — „трехсотлѣтней“ династіи.

Да почему бы и нѣтъ: всѣ преступленія, все зло и безчестье, которыя порождались и накоплялись длиннымъ рядомъ его дѣйствительныхъ или мнимыхъ предковъ, находятъ себѣ въ Николаѣ Романовѣ свое естественное завершеніе.

Юбилейныя торжества должны съ новой силой ударить по совѣсти и чести каждаго гражданина Россіи, и прежде всего каждаго мыслящаго рабочаго: еще жива романовская монархія, еще не очищена земля русская отъ этого позора!

Царь ходынскій, мукденскій и цусимскій, царь 9-го января и 3-го іюня, царь висѣлицъ, погромовъ и карательныхъ экспедицій, этотъ „благочестивѣйшій“ и „самодержавнѣйшій“, сохранилъ еще почти всю полноту своей власти надъ страною. И сотни свѣжихъ рабочихъ могилъ на далекой Ленѣ свидѣтельствуютъ, что еще не закончена лѣтопись его кровавыхъ дѣяній.

Кличъ: **Долой Николая! Долой Романовыхъ! Долой монархію! Да здравствуетъ демократическая республика!** — будетъ единодушнымъ отвѣтомъ пролетаріата и демократіи на патріотически-юбилейныя завыванія черной своры, терзающей Россію.



БИБЛІОТЕКА „ПРАВДЫ“.

До настоящаго времени вышли слѣдующіе выпуски „БИБЛІОТЕКИ „ПРАВДЫ“:

1. **Волонтеръ. Вооруженіе народа и вооруженіе противъ народа** (1-е изданіе разошлось; печатается второе, дополненное).
2. **Избирательное право и избирательное безправіе.**
3. **Программа Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.**
4. **Юбилей позора нашего (1613—1913).**

Домовъ. Триста лѣтъ Романовыхъ и лже-Романовыхъ.
Н. Троцкій. Благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій!..

Печатаются и готовятся къ печати:

1. **Одинъ пролетаріатъ — одна партія!**
2. **Земельный законъ и рабочіе.**
3. **Свободу плѣнникамъ царизма!**
4. **Царское правосудіе и два столба съ перекладиной.**
5. **Самодержавіе, православіе, народность.**
6. **„Ату его!** (объ агитаціи собственныхъ Его Величества погромщиковъ).
7. **Кровавый и пьяный бюджетъ.**

Кромѣ того, редакція „Правды“ приступаетъ къ изданію брошюры:

„Чего хочетъ соціалдемократія?“

Брошюра эта, примыкая къ тексту партійной программы, будетъ заключать въ себѣ популярное истолкованіе нашей программы, подъ угломъ зрѣнія современныхъ экономическихъ и политическихъ условій.

Намъ необходима немедленная денежная помощь со стороны всѣхъ товарищей, сочувствующихъ нашему начинанію. Письма и деньги для „Правды“ можно посылать изъ заграницы: **„Prawda“, Wien XIX/$_5$ Sievering; Postfach 3 (drei)**, а изъ Россіи — черезъ связанныхъ съ нами товарищей и черезъ знакомыхъ заграницей.